

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

В. И. Васильев

ОТКРЫТИЕ САМОДИЙСКОГО МИРА (ИСТОРИЯ ОДНОГО НАУЧНОГО ПОИСКА)

Светлой памяти Бориса Осиповича
Долгих посвящается

Москва, 1926 год

Когда дверь за студентом закрылась, профессор кафедры этнографии Московского университета Александр Николаевич Максимов еще несколько раз прошелся по кабинету, потом сел к своему столу и задумался.

Студент, собиравшийся на Таймыр проводить перепись, явно был ему симпатичен. В его характере удивительно уживались природная стеснительность, даже застенчивость и упрямая, почти фанатическая убежденность в своей правоте. Перебирая в памяти детали полторачасового разговора, Максимов подумал о том, что студент — истинный сибиряк. И фамилия подходящая — Долгих.

Максимов улыбнулся, тронул пальцами бороду, достал из кармана пиджака длинный мундштук карельской березы, заправил в него папиросу, закурил, опять прошелся по кабинету и снова присел к столу.

«А ведь вся штука в том, что он меня почти убедил, этот Долгих. Переписчиками надо направлять знающих людей. Ведь первую после революции перепись проводим. Свообразный отчет перед всем миром придется держать. Девять лет прошло после победы Октября. В стране многое изменилось. Но это здесь, в Москве, в промышленных районах. А что на Севере? Та же дикость повсюду, туземцы поголовно неграмотны, учителей не хватает, врачей и фельдшеров — тоже. Работы непечатый край. А что мы знаем о том же Таймыре и вообще о Туруханском крае? Ну живут там тавгийцы, авамские и хантайские самоеды, юраки. А из каких подразделений они состоят? В каком родстве находятся друг с другом? Есть ли у них роды или какие-нибудь локальные группы по типу австралийцев?»

Борис Осипович Долгих в экспедиции

Нет, пожалуй, пусть он едет, этот Борис Долгих. Пусть отправляется на Таймыр и переписывает там самоедов. Эрудиции ему не занимать, паренек знающий. Кастрена читал и даже о Страленберге наслышан. В наше время мало кто вспоминает о Страленберге. Не до Страленберга сейчас. А когда-то, столетия этак два назад, это был человек весьма популярный. Во всей цивилизованной Европе его знали. Еще бы, книгу написал сенсационную, да и сам был господин любопытной судьбы, весьма любопытной».

Он снял с полки пожелтевший от времени фолиант в кожаном переплете. На титульном листе готической вязью выполнена надпись: F. I. Stralenberg. Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia.

Максимов перелистал несколько страниц и задумался.

Филипп Иоганн Страленберг

На западе грохотали пушки, а с востока, со стороны Полтавы неслышными волнами накатывалась тишина. И эта густая, насыщенная запахами пороха, крови, конского пота тишина означала, что сражение, в котором решалась судьба многолетней войны между Россией и Швецией, окончилось.

Некогда победоносной армии Карла XII больше не существовало. Израненные, потерявшие управление, превратившиеся в панически бегущую толпу остатки шведских войск были неспособны не только сражаться, но и отступать.

30 июня 1709 года, через три дня после победы под Полтавой девяти тысячный конный отряд фельдмаршала А. Д. Меншикова настиг шведов возле крепости Переволочна на правом берегу Днепра у впадения в него Ворсклы и пленил около 14 тысяч шведских солдат и офицеров во главе с генералом Левенгауптом. В руки русских попало 28 орудий, 127 знамен и штандартов.

Среди офицеров, взятых в плен под Переволочной, был и капитан Филипп Табберт. Нет, он не бросил оружие, убедившись в тщетности попытки пересечь Днепр вплавь, как это сделали другие. В числе немногих Табберт благополучно достиг правого берега Днепра. А потом вдруг вернулся назад. Почему?

Впоследствии биографы Страленберга (именно под этой фамилией капитан Табберт стал известен просвещенной Европе) будут по-разному объяснять этот поступок. Одна из наиболее распространенных версий такова: Филипп не обнаружил среди спасшихся своего младшего брата Пера, тоже сражавшегося под Полтавой, и вернулся в надежде ему помочь...

Как бы то ни было, вместе с другими шведскими пленными он вскоре очутился в Москве, откуда затем был переведен в небольшой городок Хлынов, а в 1711 году в числе офицеров, заподозренных в организации и подготовке побега, сослан в Сибирь.

Так Филипп Табберт оказался в Тобольске, неофициальной столице Российской Азии. По тому времени большего города в Сибири не было. Каменный кремль с угловыми башнями и многочисленными бойницами величаво возвышался на крутом берегу Иртыша, напоминая о временах беспокойных, когда татары и уйгуры на коренастых мохнатых коньках нет-нет да появлялись вблизи города. Внизу под горой тоже каменные купеческие дома, торговые ряды, различные службы. Здесь же и резиденция губернатора князя Гагарина. На горе — резиденция власти духовной, там правит митрополит Филофей Лещинский.

Князь Матвей Петрович Гагарин отнесся к пленным заботливо. Человек столичный, он понимал, как необходимы в такой глуши образованные люди. Действительно, при их участии было построено хранилище государственной казны, иначе рентерея, которая так и стала называться

в обиходе — шведские палаты. Немалый труд вложили они и в сооружение канала, с помощью которого русло Тобола, каждую весну разливавшегося и угрожавшего городу, было отведено на три километра в сторону.

Немало среди пленных нашлось искусных столяров, живописцев, портных, сапожников, мастеров чеканки по золоту и серебру, учителей языков и музыки и т. д. Один досужий лейтенант открыл в городе даже кукольный театр.

Капитан Табберт к удивлению многих соотечественников неожиданно увлекся сибирской географией и этнографией. Он задался целью составить географическую карту Сибирской страны, о которой тогда в цивилизованной Европе знали немного.

Четыре года напряженной работы увенчались успехом. Карта была составлена. Однако Страленбергу фатально не везло. В ночь на 13 мая 1715 года в Тобольске случился большой пожар, от которого пострадал дом, где квартировал экс-капитан. В панике и суматохе чемодан с картой и другими научными бумагами исчез бесследно.

Иной бы опустил руки. Но через два года Страленберг сделал новую карту, а затем и третью, по его собственному признанию, «еще более точную и совершенную... нежели две предыдущие»¹.

А в 1720 году судьба свела его с Мессершмидтом. Даниилу-Готлибу Мессершмидту было тридцать три года, когда Петр I пригласил его из Германии в Петербург, чтобы он возглавил экспедицию в Сибирь для исследования природы и минеральных богатств этого далекого и сурового края.

Прибыв в Тобольск, Мессершмидт, который вследствие незнания русского языка особенно нуждался в переводчиках и помощниках, быстро сошелся с пленными шведскими офицерами, а среди них Табберт-Страленберг своими знаниями по географии и этнографии Сибири бесспорно выделялся.

Вскоре настойчивый Мессершмидт через Сибирского губернатора добился разрешения включить Страленберга в число участников своей экспедиции. Они вместе преодолели путь от Тобольска до Томска, а затем надолго расстались и только через полгода встретились в Абакане. В его окрестностях участники экспедиции некоторое время занимались раскопками, осмотром и выявлением археологических памятников, особое внимание уделяя наскальным писаницам. Затем они отправились в Красноярск, откуда Страленберг уже самостоятельно совершил кратковременную поездку вниз по Енисею.

Известие об амнистии шведским пленным, последовавшее вскоре после заключения Ништадтского мира, было одновременно радостным для Табберта-Страленберга и печальным для Мессершмидта.

«С горькими слезами, — написал он в своем дневнике 28 мая 1722 года, — простился я с моим честным... верным и прилежным помощником»².

У устья реки Большой Кемчуг они крепко пожали друг другу руки. Пятеро гребцов четко взмахнули веслами, и плот, на котором уезжал Страленберг, отправился в долгий путь по Чулыму и Оби к Тобольску. Весной 1723 года он вернулся на родину, а через семь лет в Стокгольме увидела свет его книга.

Дудинка, 1927 год, апрель

Два дня пуржило в Дудинке. Заметало так, что из избушки не выберешься, впору откапывать. К утру, однако, стало понемногу стихать, и хозяин Ананьин Илья решил на свет выходить.

¹ Цит. по: М. Г. Новлянская, Филипп Иоганн Страленберг, М.-Л., 1966, стр. 31.

² Цит. по: М. Г. Новлянская, Указ. раб., стр. 41.

Что метет, ему не внове. Ананьины — потомственные местные жители. Прадед, будто, из туруханских мещан был. А когда здесь в Малой Дудинке поселился, никто не помнит. Сначала, говорили, промысловую избушку поставил, летом только наезжал, а потом и совсем перебрался.

Оно, конечно, в тепле бы сидеть лучше. Ну, если бы сам-один был, еще ладно. А то двое постояльцев-переписчиков... Люди городские, ученые. Но простые мужики. Особенно этот молодой, который Борис. Он тебе и дровец нащелкает, и на протоку с нартами за водой сгоняет, и собак накормит. Так что и без хозяина в доме хозяин.

Илья натянул малицу. Постояльцев будить не стал. Где чай, сахар да сушки — без того известно. А мясо он, бог даст, добудет: петли куропачьи надо откопать, может, что попало, сетку в курье проверить. Да на обратном пути к свояку завернуть, Филиппу Простокишину. Ему еще третьего дня самоеды оленью тушу привезли, так тогда еще говорил: «Возьми, мол, половину для постояльцев».

За чаем переписчики молчали. Долгих читал толстую немецкую книгу, а Кудинов перебирал в памяти детали вчерашнего разговора.

Потом сказал, улучив минуту:

— Так, значит, тому шведу, о котором вчера рассказывали, мир и обязан открытием наших самоедов. И мы с вами в какой-то степени сегодня здесь по его милости.

— Нет, конечно, Георгий Александрович. О самоедах было известно и раньше. И у нас в России. И на Западе тоже. Просто Страленберг был первым, кто заинтересовался их происхождением. И сформулировал свою гипотезу. Я ведь рассказывал, что он занимался сравнительными лингвистическими штудиями. Сопоставлял самоедские слова со словами из языков различных народов, живущих на Юге Сибири. И пришел к такому заключению: все те народы — маторы, карагасы, сойоты и другие, что в его время еще говорили по-самоедски, — пришли на Юг Сибири отсюда, с Севера.

Борис отхлебнул уже остывший чай, сморщился, долил в кружку крутого кипятку и продолжал:

— Но он был не прав, полностью не прав. Родина самоедов находилась как раз на Юге Сибири. На Алтае-Саянах и в Минусинской котловине. Такая версия, гипотеза, если хотите, была высказана немногим позже страленбергской. Через пятьдесят лет. Ее автор — Фишер. Академик, историк, большой авторитет для своего времени. Но фактов Фишер собрал немного, вернее почти не собрал. Нужны были факты веские, обоснованные. А они стирались с годами. На Юге Сибири самоедская речь почти исчезла. Казалось, уже ничего нельзя записать, обнаружить и доказать. И все-таки нашелся человек, который сумел это сделать — Кастрен.

— Как вы сказали? — перебил Кудинов.

— Кастрен, — повторил Борис Долгих. — Маттиас Александр Кастрен.

Маттиас Александр Кастрен

Тервола — небольшое селенье на севере Финляндии. Там он родился, там прошло его детство. Потом были годы учебы в школе-пансионе и твердое решение избрать для будущей своей деятельности пасторскую стезю.

Поступление в университет, студенческие аудитории Гельсингфорса все начисто переменяли. У Кастрена пробуждается, а потом все более крепнет интерес к лингвистике и этнографии. «Именно в эти годы, — писал он впоследствии, — я принял решение труд моей жизни отдать изучению языка, религии, обычаев, образа жизни и всех других этнографических условий финского племени и других родственных племен»³.

³ Цит. по: В. Б. М у р а в ь е в, Вехи забытых путей, М., 1975, стр. 12.

Восемь лет напряженных занятий. Трудных, наполненных непрерывной работой и поисками дополнительных средств к существованию, но таких необходимых лет.

Летом 1838 года в обществе двух друзей Кастрен совершает путешествие по Финской Лапландии и впервые получает возможность изучать и записывать живую лопарскую речь, сравнивать грамматическое строение этого языка с известными ему финским и эстонским. Результатом этой поездки была диссертация «О родстве склонений финского, эстонского и лапландского языков», звание доцента и преподавателя Гельсингфорского университета.

Казалось бы, наконец, можно и расслабиться, отдохнуть, стряхнуть застарелое бремя нужды и заботы о завтрашнем дне, но Кастрена влекла живая исследовательская работа, поиски и открытия неизведанного. И поэтому, когда он получил известие о том, что Российская Академия наук утвердила его кандидатуру в качестве участника экспедиции по исследованию языков и быта народов, населяющих Сибирь, счастливее человека, вероятно, не было во всем Гельсингфорсе.

Дудинка, 1927 год, апрель (продолжение)

— И что же, довелось ему добраться до нашего Енисея? — спросил Кудинов.

— Он не только добрался, — ответил Долгих, — но вы можете себе представить... — Борис даже разволновался. — Кастрен пробыл здесь, в Дудинке больше двух месяцев. Тогда вся Дудинка состояла из каменной церкви на берегу Енисея, да четырех домиков (Кастрен их называл хижинами), низеньких с приплюснутыми крышами и узкими щелочками окошек, застекленных прозрачными льдинками. Вот в каких условиях он работал. И как работал!

Дверь распахнулась. Вместе с порывом ветра и запахом мороза через порог ступила запоршенная мохнатая фигура Ильи Ананьина.

— Живем, ребята, — сказал он громко и весело. — Полтуши дикого Илья добыл. Вам разделявать, мне спать.

И начал стягивать через голову сокуй.

К обеду на столе возвышалась миска с аппетитно дымившимся оленьим мясом. Но Кудинов ел вяло: за три месяца мотаний по тундре, поисков один бог знает где находившихся стойбищ и чумов (что поде-лаешь — перепись есть перепись) оленина ему уже поперек горла стала.

«Сейчас бы картошечки чугунок, да сметаны свежей. Эх! Да где там. До самого июня, до первого парохода придется здесь торчать. И что удивительно, этот Долгих Борис делает вид, что ничего такого не ощущает. Жует себе оленину да читает финна, забыл фамилию, что тоже когда-то в этих краях обретался. Этот финн по своей воле сюда приехал. Сам себя в ссылку отправил. Впрочем, такие чудачки и сейчас не перевелись. Взять того же Бориса. Тоже вызвался добровольцем. Университет оставил, учебу прервал, и на тебе: из Москвы — сюда в Дудинку. Тоже три месяца из тундры не вылезал, да не здесь, на Енисее, а в самой что ни на есть глухомани на Хатангском тракте и еще дальше. Где тавгийцы живут — авамские самоеды. Туда даже финн этот пробраться не смог.

И хотя бы ему что: сидит, уплетает себе оленину, как будто вкуснее ничего в жизни не ел. И читает своего финна. А хозяин спит. Выпил где-то, и теперь его — из винчестера стреляй — не добудишься. Тоска... Живым словом не с кем переброситься. Разве опять Бориса про этого финна спросить... Тут он немедленно откликнется. Сколько уж раз проверено, и всегда безотказно».

Кастрену нездоровилось. Сегодня, как никогда, он чувствовал себя плохо. Приступ подобрался незаметно. Головокружение, разламывающая боль в висках и затылке, тошнота — все это уже было. Но сегодня он потерял сознание на целых четыре часа как раз во время беседы с самоедом.

«Неужели не удастся довести до конца задуманное; свернуть с пути, когда до цели осталось не так уж много?»

Один раз ему уже пришлось это сделать. В 1844 году после неопишимо трудного многомесячного путешествия по Европейскому Северу, во время которого он изучал язык и этнографию архангельских самоедов, он, наконец, перевалил вместе с зырянским торговым караваном Уральский хребет и оказался в Обдорске, заштатном городке с еле угадывающимися среди сугробов островами приземистых домиков и торговых заведений, тем не менее носившем громкий титул «Северной столицы самоедской Сибири».

И здесь болезнь в первый раз открыто проявила себя. Его самочувствие становилось все хуже и хуже. Местный врач категорически настаивал на прекращении научных исследований и возвращении для лечения на родину. Да и сам Кастрен понимал, что сил для дальнейшего путешествия не хватит. Пришлось примириться с неизбежным. Неужели вновь все повторится?

Он не строил иллюзий относительно своего будущего. «Легочная чахотка — вот болезнь, которая съела мозг моих костей и продолжает уничтожать его с огромной жадностью, — писал он из Обдорска в Петербург своему научному куратору и покровителю академику А. И. Шегрену. — И вот я стал разбитым человеком на весне моей жизни...»⁴.

Может быть, поэтому он и не щадил себя. Весной 1845 года он отправился в новое путешествие в Сибирь. И вот позади месяцы, отданные изучению остяков (хантов) и лесных самоедов (ненцев) Нижнего Иртыша и Средней Оби, остяко-самоедов (селькупов) Нарыма и своеобразного, ни с чем не сравнимого и не схожего языка енисейских остяков (кетов).

Еще в Енисейске, перед тем как отправиться дальше на Север, в Туруханский край, спутник и товарищ Кастрена студент Бергстади сказал ему:

— Кажется, путешествие в Туруханск стоит путешествия в Похьелу. Кастрен ответил ему тогда словами Леммикайнена:

— Умирать ведь только раз⁵.

Но теперь, кажется, это мрачное предсказание начинает сбываться. Он едва держится на ногах, да и у Бергстади от долгого отсутствия витаминов началась цинга. Сам Кастрен спасался от цинги ежедневными долгими прогулками по тундре, от которых теперь придется отказаться. Ко всему еще наступила полярная ночь, и работать стало много труднее.

«И все-таки надо продолжать начатое дело. Продолжать пока есть хоть какие-то силы. А для этого необходимо прежде всего заставить себя встать. Ну вот, кажется, и голове стало немного лучше. Да и тошнота как будто пропала.

Как только явится Бергстади, следует отдать распоряжение, чтобы готовили оленей. И завтра же ехать в тундру. Нет, пожалуй, сегодня. Все равно, на дворе сплошная ночь. Так зачем же терять время. Не правда ли, Бергстади?»

Вместе с Бергстади целых четыре месяца пробыл он в тундре, изучая языки авамских самоедов — нганасан и енисейских самоедов — энцев. Только весной 1847 г. Кастрен и его спутник вернулись в Енисейск.

⁴ Цит. по: В. Б. Муравьев, Указ. раб., стр. 37—38.

⁵ В. Б. Муравьев, Указ. раб., стр. 54.

Отсюда Кастрен писал в Петербург Шегрену: «Наконец, я снова дышу воздухом Енисейска, но дышу гораздо труднее прежнего. Горловые и грудные недуги, приобретенные под туруханским небом, развиваются под енисейским небом как нельзя лучше — может быть, вследствие самой природы их, и от содействия суровости климата, плохого жилья и чрезмерных занятий»⁶.

В этом же письме Кастрен излагал план дальнейших исследований на юге Сибири, в Минусинском крае и просил о продлении срока своей экспедиции, поскольку, по его расчетам, эта работа должна была потребовать гораздо большего времени, чем предполагалось ранее.

Дудинка, 1927 год, апрель (окончание)

— Так, значит, из Енисейска Кастрен поехал не на родину, а дальше, теперь уже на юг Сибири? — спросил Кудинов.

— Именно так, Георгий Александрович. И путешествовал еще почти два года. За это время он изучил языки маленьких южносибирских народов: маторов, койбалов, камасинцев, карагасов и установил, что еще сравнительно недавно они говорили по-самоедски. Только весной 1849 г. он вернулся на родину, проведя в экспедиции в общей сложности почти восемь лет. Зато собранные им материалы оказались огромны и выводы тоже. И если Фишер мог только строить предположения относительно местонахождения области, где первоначально проживали самоеды, то Кастрен имел возможность подкрепить свои выводы десятками различных фактов. Да вот, послушайте, что он пишет по поводу происхождения самоедов. — Долгих взял лежавшую перед ним книгу, отыскал нужную страницу и, слегка запинаясь, стал переводить: «Несомненно, что финны через родство с самоедами вступают в связь с алтайскими народностями, потому что не может быть ни малейшего сомнения в том, что самоеды вышли с Алтая, многие ветви этого племени были обнаружены на этой горной цепи и отчасти еще продолжают обнаруживаться»⁷. Видите, как четко и ясно все изложено. Это и в первой четверти XX в. — последнее слово мировой науки. И если бы он прожил чуть больше, хотя бы на десяток, пусть даже на несколько лет...

— А что... — начал было Кудинов.

Но Долгих опередил его:

— Да, — сказал он. — Уже в самом конце экспедиции, по дороге из Иркутска в Красноярск, его болезнь перешла в последнюю стадию. Чохотка приняла открытую форму. Началось кровотечение, едва не стоившее ему жизни. Тогдашняя медицина была совершенно бессильна. После возвращения на родину Кастрен прожил только три года. Он умер в возрасте 39 лет.

— Да, — сказал Кудинов, после длительной паузы. — Вот они судьбы человеческие. Ездил, ездил...

И, видя, что Долгих собирается его перебить, прибавил:

— Однако мне непонятно, Борис. Вот этих самоедов кто только не изучал: и финны, и шведы, и немцы. А где же наши соотечественники? Или им все эти самоеды без надобности, неинтересны?

Долгих ответил не сразу, помолчал, собираясь с мыслями:

— Были, конечно, и наши. И есть. Хотя бы мы с вами. Ну пусть не мы, так другие, что сейчас работают на Тобольском Севере и за Уралом. И будут еще. Обязательно будут.

⁶ «Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири», «Собрание старых и новых путешествий», ч. II, М., 1860, стр. 369.

⁷ М. А. Castren, Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849, St.-Pb., 1856, S. 75.

Борис встал и несколько раз взволнованно прошелся по комнате. Вернулся к столу, остановился против Кудинова и произнес отчетливо почти по слогам:

— Обязательно.

После 1927 г., будучи сотрудником Красноярского краеведческого музея, а затем аспирантом, научным сотрудником и руководителем Сектора малых народов Севера Института этнографии АН СССР Борис Осипович Долгих совершил десятки этнографических экспедиций на север Сибири.

Борис Осипович Долгих

Объявление в газете гласило: «Защита диссертации в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР 3.VI.58 на соискание ученой степени доктора исторических наук Долгих Б. О. на тему: «Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке».

К 16 часам дня конференц-зал Института на втором этаже старинного особняка по улице Фрунзе был переполнен. Председательствующий член-корреспондент АН СССР С. П. Толстов с удовлетворением обвел глазами аудиторию. Еще бы! В зале были не только этнографы — коллеги диссертанта, явившиеся чуть ли не в полном составе, но и археологи, историки, работники архивов, лингвисты, географы, студенты кафедр археологии и этнографии МГУ. Такое «многолюдство» случается далеко не на каждой защите.

Толстов поднялся за столом президиума:

— Разрешите открыть заседание Ученого Совета...

Один за другим выходили на трибуну официальные оппоненты. Их мнение было единодушным: на рассмотрение Ученого Совета представлена работа, являющаяся большим вкладом в историческую и этнографическую науки. Автор на основании тщательного анализа исторических и, в первую очередь, архивных источников в сочетании с полевыми материалами сумел реконструировать родовой и племенной состав народов Сибири ко времени прихода русских, по-новому осветить историческое прошлое многих народов, высказал ряд оригинальных теоретических положений относительно их общественного устройства.

Доктор исторических наук М. Г. Левин: «В лице Бориса Осиповича мы имеем счастливое сочетание этнографа, свыше 30 лет ведущего полевые исследования, и историка — блестящего знатока архивов. Такое сочетание позволило Борису Осиповичу Долгих выполнить не только представленную работу, но и ряд других исследований. В этом направлении он имеет учеников и последователей.

К работе Бориса Осиповича будут постоянно обращаться и работники смежных специальностей».

По мнению доктора исторических наук (ныне — академика) А. П. Окладникова, один только перечень стоявших перед диссертантом задач свидетельствует, «насколько трудоемка была намеченная им программа, какого большого, поистине самоотверженного труда и вместе с тем глубокого знания этнографии народов Сибири требовала эта работа».

«Скажу откровенно, — продолжал он далее, — перед нами редкая диссертация, где с автором невозможно спорить, почти невозможно ему по существу возражать».

Доктор исторических наук Л. П. Потапов: «После публикации монографии Бориса Осиповича ни одна будущая научно-исследовательская работа по истории и этнографии Сибири немислима без учета и использования этой книги. Ее источниковедческая основа, выявленная, систематизированная и обобщенная долголетним кропотливым трудом Бориса Осиповича, послужит тому, что книга эта займет выдающееся место в научной литературе по этнографии и истории Сибири».

Высокую оценку диссертации дал и С. П. Толстов, который, заключая обсуждение, подчеркнул, что диссертация одновременно является и этнографической, и крупнейшей исторической работой. «Автор как этнограф великолепно овладел методом ювелирного подхода к анализу архивных источников и как историк овладел методом блестящего исторического подхода к основным проблемам».

Решение было единогласным. Все четырнадцать членов Ученого Совета высказались за присуждение Борису Осиповичу Долгих ученой степени доктора исторических наук.

Диссертация Б. О. Долгих была опубликована в 1960 году. С тех пор прошло более 15 лет. Список работ по этногенезу и этнической истории народов Сибири пополнился десятками новых трудов. Но книга Б. О. Долгих по-прежнему стоит в нем на первом месте.

Его заслуга в том, что он заставил заговорить архивные материалы, связав их с конкретной этнографией, расшифровал ясные книги, показав, что за неясными, а порою и, казалось, надуманными названиями XVII в., такими как род Удамылев — у пясинской «самояди», роды Кислой шапки, Мангазеянин, Вокупин — у тазовской и туруханской «самояди», скрываются вполне реальные, зачастую различные по своему этническому облику подразделения, из которых составились впоследствии современные нганасаны и энцы.

Еще в конце 1930-х гг. видный советский лингвист и этнограф Г. Н. Прокофьев уточнил и дополнил гипотезу Фишера-Кастрена, высказав предположение о том, что в формировании большинства самодийских народов севера Западной и Средней Сибири приняло участие два компонента: южный — пришедший из Минусинских степей и Саяно-Алтайского нагорья, и автохтонный — освоивший высокие широты задолго до появления там самодийцев. В эти же годы другой советский этнограф Г. Д. Вербов установил, что все сибирские ненцы делятся на два экзогамных подразделения — фратрии Харючи и Вануйта.

Развивая идеи своих предшественников, Борис Осипович Долгих пришел к убеждению, что первая из этих фратрий представляет собою потомков южных пришельцев на Север — носителей самодийского языка, а вторая — впитала в себя автохтонов и другие иноязычные компоненты. «Можно предполагать, — писал он в одной из своих работ, — что предки оленеводов-самоедов принадлежали главным образом к фратрии Харючи, и... первоначально... вероятно, противопоставляли себя каким-то... аборигенам Севера, с которыми они заключали браки. Поэтому и все действительные или воображаемые потомки этих аборигенов — европейские ненцы, северные ханты, энцы и ненцы группы родов Вануйта — зачислялись в одну противоположную ненцам Харючи фратрию»⁸.

Так был найден ключ к разгадке основной линии этногенеза ненцев.

Список трудов Б. О. Долгих по этнографии и истории народов Севера включает более пятидесяти работ. В их числе три монографии, столько же фольклорных сборников, остальное — статьи в научных трудах и журналах.

Значительная часть публикаций Бориса Осиповича посвящена самодийским народам: нганасанам, энцам и ненцам. Изучению самодийцев он отдал всю свою научную жизнь. Благодаря его работам приподнята завеса над историей энцев, реконструировано историческое прошлое нганасан. Исследование родовой состава самодийских народов легло в основу первой научной публикации Б. О. Долгих «Население полуострова Таймыр и прилегающего к нему района», написанной на основе данных, собранных во время Всесоюзной переписи. Эта работа увидела свет в 1929 году в журнале «Северная Азия». Самодийские материалы широ-

⁸ Б. О. Долгих, Родовая экзогамия у энцев и нганасан, «Сибирский этнографический сборник», т. IV, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 78, М., 1962, стр. 220—221.

ко использованы и в последней статье Б. О. Долгих об общественном устройстве северных народов, вышедшей из печати уже после того, как его не стало. Статья была опубликована в 1974 году в канун семидесятилетия Бориса Осиповича в посвященном ему сборнике, подготовленном его соратниками и учениками.

В местах, где работал Б. О. Долгих. Воронцово, 1962 год, 29 мая

Силкин Иван Иванович — низкорослый, в потертой, выношенной малице и сам тоже будто выношенный: лицо морщинистое, волосы и щетина седые.

Капюшон его малицы сдвинут, на лбу выступили бисеринки пота. Он вкусно прихлебывает чай, уж не знаю, какую по счету кружку (чайник с печи не снимаю, только снега успевай подбрасывать) и, не спеша, рассказывает:

— Силкины, или Бай, по-нашему, здесь разные. Одни Вы-бай — тундровые Бай, так нас прозывают. Балдуха-бай еще есть. Это, рассказывают, у их старшего дяди прозвище такое было — Балдушка. Потом еще Эари-бай. Те в Потапове живут, в лесу выше Дудинки, верст может сто или больше.

Тут он маху дал. До Потапова от Воронцова все триста километров по реке. Это я знаю точно, не раз приходилось бывать. Тундрой, конечно, ближе, но кто считал по тундре эти километры. Из этнографов путь от Воронцова до Дудинки тундрой с оленеводами преодолел только один человек, мой учитель Борис Осипович Долгих. Было это в 1948 году и потребовало по времени около трех недель.

— Эари, по-нашему, нищие. Они всегда раньше мало оленей имели, сюда не ходили. Отца нынешних ребят, что там в Потаповском хозяйстве работают оленеводами, Ничеза его звали — я, может, всего раз или два и видел. А отца его, Азаку-старика, и вовсе не помню. Он умер в год большой болезни, я тогда совсем маленьким был.

«В 1908 году от оспенной эпидемии», — соображаю я.

— Еще там, в лесу были Поло-бай, по-нашему, коноплянные. Почему их так прозвали, не могу сказать. И фамилия им была не Силкин, а Кеприкин. Теперь, слышно, никого не осталось.

Он замолкает, опять отхлебывает из кружки, макает в чай ванильный сахарь.

Поселок Воронцово, где автор этих строк работает уже вторую неделю, центр самого северного из колхозов правобережья Енисея — имени Кирова. Работают в колхозе и живут в поселке ненцы, представители обеих энецких групп: тундровой (Сомату, Маду или Манто) и лесной (Бай, Муггади и Ючи), долганы, русские, украинцы, белорусы. Есть также немцы, финны, татары. Словом, конгломерат национальностей.

Для работы сельский совет выделил мне комнату в учительском доме. Ее хозяйка — педагоги местной школы-восьмилетки уехали в отпуск и вернутся только к осени. У меня есть стол, два стула и табуретка, железная кровать с пружинным матрацем, на который я постелил свой спальный мешок. Печь, правда, с капризами: плохо разгорается, но зато не дымит и долго держит тепло. Словом, живи да живи.

Во времена, когда здесь работал Борис Осипович, вопросы бытоустройства решались куда сложнее. Не говоря уже о 1927 годе, когда и поселка-то никакого не было, а так, две избушки промысловых, да несколько чумов. И позднее, в 1948 и 1959 годах, приезжая в Воронцово, он обычно располагался в сельсовете, а то у кого-нибудь из старожилов на квартире. Так что даже постоянного помещения для работы у него не было.

В моей полевой сумке лежит книга Бориса Осиповича Долгих, вышедшая в 1961 г. — «Мифологические сказки и исторические предания

энцев». Это публикации энецкого фольклора, первооткрывателем которого он явился, с подробными комментариями. Большинство записей сделано здесь в Воронцове в 1948 г.

В авторском предисловии к этой книге есть любопытное место, где Борис Осипович пишет об условиях своей работы. Вот оно: «Записи производились и в избушке, где жил наш основной информатор Р. А. Силкин, и в чуме другого знатока энецкого фольклора — Лебо Савалова, в конторе правления колхоза и сельсовета, в комнате секретаря сельсовета В. Ф. Панарина, в чуме иганасана Монтуку Горнока и т. д.»⁹. Так что, в сравнении с этим, мои условия следует признать близкими к идеалу.

Записи фольклора также входят в круг моих интересов. Но основное для меня — собрать как можно больше разнообразных сведений о происхождении энецких и ненецких родов. Такую задачу поставил передо мною Борис Осипович Долгих, в Секторе которого я работаю.

Поэтому и информаторы у меня иные. Меньше исполнителей фольклора, больше хранителей семейных родословных, знатоков генеалогического древа и исторических преданий. К их числу принадлежит и Иван Иванович Силкин; от него я постоянно узнаю все новые детали семейной и родовой структуры энцев и ненцев.

Беседы между нами происходят едва ли не ежевечерне. Кроме Ивана Ивановича, бывают его брат Сергей Иванович, Пилько Соколо, тоже энец. Из ненцев чаще других — Яптунэ Василий Семенович, прозванный из-за довольно обширной проплешины «голая голова», Яптунэ Борис. Да всех разве перечислишь.

Днем все заняты. Кто помоложе, смолят лодки, перебирают моторы — ведь не за горами путина — самое горячее время года. Кто постарше, чинят сети, насаживают поплавки и кибады на невода, пилят дрова. Надо еще петли осмотреть на куропаток. А уже об охотничьем азарте, связанном с прилетом первых гусей, и говорить нечего. Это — как футбольная лихорадка в наших краях в дни международных матчей.

У меня тоже днем хватает работы. Кроме всяких хозяйственных занятий, надо еще обрабатывать черновые записи бесед и фольклорных текстов, разговаривать с приехавшими из тундры охотниками.

Так что, не успеешь оглянуться, как опять вечер.

Воронцово, 1962 год, 30 мая

Впрочем, вечер в это время года понятие относительное. Сумерки длятся часа два после полуночи. Даже электричество зажигать не требуется.

Сегодня, кроме Ивана Ивановича, у меня в гостях еще Яптунэ Василий Семенович — «голая голова». Вчера Иван Иванович сидел у стола, сегодня после чая оба моих гостя расположились прямо на полу. Иван Иванович рассказывает, Василий вставляет реплики или добавляет.

— Чистые Манто здесь только Лодоседа-Туглаковы да еще Сазо-Пилько. Остальные все пришли откуда-то. Наши старики, те из леса сюда с оленями пришли. Есть на левом берегу Енисея выше Дудинки такое место, Бай-лотта (Бай равнина), большая такая голая лайда. Так рассказывают, что там наше коренное место.

— Так будет. Это верно Ледо сказывает, — солидно подтверждает Василий, называя Ивана Ивановича его энецким именем.

И тут же перехватывает у него нить беседы.

— Наших отцов, отцы с той стороны Енисея пришли. Говорят, когда-то Гыда-яма (так называют здесь Гыданский полуостров — это мне извест-

⁹ «Мифологические связи и исторические предания энцев. Записи, введение и комментарии Б. О. Долгих», М., 1961.

но) дальше жили. Быки и хаптарки ездовые (т. е. яловые важенки, которые нередко используются в качестве упряжных оленей, а иногда ходят даже передовыми) у них были такие большие, такие крупные.

— Вот,— говорит Василий. И опять повторяет:— Вот! Поэтому прозвание наше Хаптангарка-Ябтонгэ (Хапта нгарка — большой бык, а Ябтонгэ — название рода, которое в фамильном варианте превратилось в Яптунэ).

Это интересно. Природа родовых подразделений энцев и ненцев для меня еще не очень понятна. Сразу вспоминаю, что переписью 1897 года Хаптангарка были учтены в низовьях Енисея в качестве особого рода отдельно от Ябтонгэ. Надо бы расспросить об этом подробнее.

Но Василий Яптунэ умолкает. Берет из пачки «Севера» папиросу, закуривает.

Тут же вступает Иван Иванович. Он ведет свой рассказ независимо от Василия Семеновича, с того места, на котором тот его прервал.

— Каплины еще здесь — это не Манто. Когда-то юраки были. Салерта им родовое имя. А по-нашему скажут — Солда. Дедушка их сюда в большую воду пришел. Тожно (тогда) большая вода была: одни сопки высокие видно. Еорума — сопка там дальше в тундре есть. Нгангу-маха — хребет против Караула. Еще Хэхэ-маха — «шайтан-сопка» по Пелядке реке. Только три сопки. Лодкой, наверное, пришел,— добавляет он не очень уверенно.

Василий Яптунэ, уводя нашу беседу в сторону от этногенетических сюжетов, подробно вспоминает всякие истории, связанные с злоключениями людей, оказавшихся поблизости от Хэхэ-маха.

Я усердно пишу.

— Вот — удовлетворенно говорит Василий. — Вот.

Рассказ окончен.

Потом мы опять пьем чай, после чего Иван Иванович начинает собираться.

Василий сегодня доволен собой и не торопится.

Он не спеша прихлебывает из кружки, хитро смотрит на меня и говорит:

— Ты-то, в самой Москве живешь?

— В самой, — подтверждаю я.

— А Бориса знаешь?

Я понимаю, о ком идет речь. Так здешние старики называют Бориса Осиповича.

— Знаю.

— Ты Бориса спроси. Вот кто расскажет. Он о наших людях хорошо знает. Может, как я, знает.

— Может, больше,— тихонько вставляет Иван Иванович.

Но Василий его не слушает. Да и мой ответ не внушает ему доверия.

— Ты в Москву поезжай. В самую Москву. Бориса найди. Его спроси. Много знает-ет.

Мои гости уходят, а я еще долго сижу у стола и думаю над словами Василия.

Вероятно, в признании народа и заключается главное счастье этнографа. Высшая оценка его труда.